

Victor Schulze, Archäologie der altchristlichen Kunst. München. 1895.
Рец. Carl Frey въ D. L. Z. 1895, № 33, стр. 1039—1044.

Paul Neff, Beiträge zur Lehre von der fraus legi facta in den Digesten. Berlin. 1895. Рец. Hugo Krüger, въ D. L. Z. 1895, № 33, стр. 1044—1045.

1895 г. 5 октября.

Б. Меліоранскій.

СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ.

БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Веселовскій, Молитва св. Сисинія и Верзилово коло.—Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1895, май.

Матовъ, Верзиулово коло и навѣтъ (Верзиулово коло и нави), въ Български Прѣгледъ, годъ II, кн. IX—X и отдѣльно. София. 1895.

Въ славянскомъ индексѣ отреченныхъ книгъ болгарскаго попа Іеремію обвиняють въ томъ, что онъ изолгалъ или выдумалъ нѣкоторыя басни: что Іереміа по па българскы излагала; была въ навѣтъ на Керзилокѣ или Керзиулокѣ колоу (вариантъ) ¹⁾. Это выраженіе до настоящаго времени можно считать необъяснимымъ, загадочнымъ, несмотря на то, что было предложено нѣсколько объясненій со стороны лицъ, пользующихся извѣстностію въ наукѣ. Одни думали, что подъ Верзиловымъ или Верзиуловымъ коломъ нужно разумѣть Вельзевуловъ колъ, причемъ предлагали читать *кыка* вмѣсто *кыла*, а *въ навѣтъ* объясняли: среди мертвыхъ, на томъ свѣтѣ, въ аду, на колѣ Вельзевула, предполагая, что Іеремію по смерти пронзили коломъ, какъ упыря ²⁾; или подъ коломъ здѣсь разумѣли не колъ, а коло въ южнославянскомъ значеніи, т. е. въ смыслѣ собранія; такимъ образомъ вышло бы: Іеремія былъ среди навій, т. е. злыхъ духовъ или въ Вельзевуловомъ собраніи ³⁾. Проф. Ягичъ въ Керзилокѣ или Керзиулокѣ колоу видѣлъ Вързино (Вързилово) коло, т. е. очарованный кругъ или колесо Вергиліево въ виду средневѣковаго преданія о Вергиліи-магѣ, и въ такомъ случаѣ приведенное выше славянское выраженіе означало бы: обучаться магіи, чернокнижію; въ хорватскомъ преданіи сообщается о такихъ выученикахъ, обучавшихся въ Болоньи: они вращали колесо съ тринадцатю спицами и на каждую изъ нихъ садится по человѣку; кто первый улетитъ, тотъ — настоящій грабан-

1) У Пыпина въ Лѣтописи занятій археографической комиссіи. Ч. I. 1861. Спб., стр. 39—40, и у Калайдовича, Іоаннь, экзархъ болгарскій. М. 1824, стр. 210, прим. 8.

2) Пыпинъ, тамъ же.

3) Соболевскій въ Русск. Филологическ. Вѣстникѣ, т. XXIII, (1890 года), стр. 79—80.

ціяшъ, волшебникъ, некромантъ. Можно было бы думать, что это преданіе послужило источникомъ слѣдующему народному повѣрью: подъ Велебитомъ лежитъ деревня *Vrzici* (Вързици или Връзици), подъ нею, на вершинѣ горы, находится мѣсто, гдѣ пляшутъ вилы, — это *Vrzino kolo* (Вързино или Връзино коло); всякій школяръ, побывающій тамъ, становится грабанціашемъ, такъ какъ онъ сообщаетъ съ вилами, чертями, а въ грозу управляютъ облаками. Отсюда къ *навѣхѣ* слѣдовало бы истолковать въ значеніи демоновъ. Къ славянамъ это повѣрье о Виргилии могло бы перейти чрезъ хорватовъ, т. е. къ сербамъ, а отъ этихъ къ болгарамъ¹⁾. Это мнѣніе съ самого появленія казалось болѣе остроумнымъ, чѣмъ правдоподобнымъ. Наконецъ, акад. А. Н. Веселовскій въ недавно напечатанной своей статьѣ: Молитва св. Сисинія и Верзилово коло, гдѣ онъ приводитъ новый матеріалъ для объясненія Верзилова или Верзіулова кола, даетъ новое объясненіе указанному выраженію. Свое толкованіе онъ основываетъ на собственномъ имени, встрѣчающемся до сихъ поръ лишь въ двухъ эіопскихъ текстахъ; по нему, это имя «рѣшаетъ загадку, связанную съ именемъ Іереміи, подробностію приписаннаго ему апокрифа; а я, говоритъ почтенный академикъ, только ставлю вопросъ. На «врзиномъ колу» хорватскаго повѣрья, гдѣ обучается грабанціашъ-некромантъ, пляшутъ вилы. Вилы—маны, души умершихъ, нави; замѣтимъ, что въ болгарскомъ повѣрѣѣ нави—злые духи женскаго пола, мучащія родильницъ, какъ и новорожденныхъ мучать Глоубъ, Вѣщица греческихъ и славянскихъ (Авестица румынскихъ, прибавлю отъ себя) молитвъ св. Сисинія — *Верземія* соотвѣтствующаго эіопскаго текста. Іеремія, съ именемъ котораго соединяютъ славянскую молитву Сисинія, былъ въ сонмищѣ *Верземіи*, на *Верзиловомъ колу*, среди *навий* — виль, такихъ же злыхъ духовъ опасныхъ родильницамъ (стр. 232).

Ясно отсюда, что вопросъ о Верзиловѣ или Верзіуловѣ колѣ поднятъ въ послѣднее время акад. А. Н. Веселовскимъ, благодаря находкѣ имени *Верземія* въ одной эіопской легендѣ-молитвѣ св. Сисинія, подобной греческимъ, славянскимъ и румынскимъ апокрифическимъ молитвамъ на отгнаніе злыхъ силъ или тресавицъ, т. е. лихорадокъ. Эта легенда-молитва сообщена акад. Веселовскому О. Э. Леммомъ²⁾. Она начинается такъ:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, единаго Бога; во имя Бога Создателя, Живаго, Всевѣдущаго.

1) Die südslavischen Sagen von dem Grabanciaš djak und ihre Erklärung въ Archiv f. slav. Philologie, II, ст. 465.

2) До настоящаго времени эта легенда-молитва извѣстна въ двухъ эіопскихъ текстахъ изъ которыхъ одинъ изданъ съ англійскимъ переводомъ Карломъ Фрисомъ (Fries): The ethiopic legend of Socinius and Ursula въ Actes du VIII-me congrès internat. des orientalistes, tenu en 1889 à Stockholm et à Christiania. II-e partie. sect. sémit., 2-e fasc. Leide. 1893, стр. 61—67, а другой только во французскомъ переводѣ Бассэ (Basset): Les apocryphes éthiopiens. IV. Les légendes de s. Tèrtag et de s. Sousnyos. Paris. 1894, стр. 38—42.

«Молитва св. Сусенія (Sûsenjôs), чтобы отвратить недуги отъ дѣтей, еще находящихся у груди матерей. Она помогаетъ всякой женщинѣ, такъ что ея дѣти остаются въ живыхъ: пусть напишетъ (эту молитву) и носить на себѣ, она окажется помощной по милости Господа, Великаго, Благословеннаго. Да спасетъ молитва и благословеніе святаго всякую, ее (молитву) носящую, отъ нападенія демона и отъ легіона, отъ рѣзи и боли въ животѣ, отъ удара и ломоты, отъ дурнаго глаза и изступленія (delirium), отъ случая (accident) и полудницы (the devil of mid-day heat), отъ горячки (typhus) и падучей, отъ воспаленія (pleurisy) и кровотечения (issue of blood), отъ призраковъ и чумы (plague), отъ поноса (cholera) и лихорадки, отъ колдуновъ и знахарей и вѣдуновъ (metalmelters and falashas) и отъ лома въ спинѣ (sore back), и отъ всѣхъ злыхъ духовъ и людей, приготовляющихъ вредоносныя зелья (potions), и отъ всѣхъ нечистыхъ демоновъ да спасетъ и поможетъ (имя рекъ)».

Далѣе повѣствуется о Сусеніи, что онъ имѣлъ жену и дѣтей мужескаго пола, и о сестрѣ его Верзеліи (Werzeljâ), которая убила его первенца и убѣжала. Жена плачетъ. Сусеній на конѣ и съ копьемъ въ рукахъ ищетъ сестру, которую, по указанію старухи, и находитъ въ саду, въ рощѣ, окруженную множествомъ злыхъ духовъ. Съ помощію молитвы онъ пріобрѣтаетъ силу надъ своею сестрою и пронзаетъ ее копьемъ въ правый бокъ, чтобы умертвить ее. Она же провѣщалась съ громкимъ воплемъ:

«Господинъ мой, святой Сусеній, заклинаю тебя семью степенями, сонмами архангеловъ: Михаила и Гавріила, Рафаила, Суріила, Садакыла, Ананыла, Фануила, вѣчно предстоящихъ Господу, Правителю міра на вѣки вѣковъ. Я съ своей стороны не буду ходить по путямъ, гдѣ обрѣтается имя твое, ни въ церковь и въ мѣсто, гдѣ люди поминаютъ его, пусть они живутъ тамъ всегда въ спокойствіи. И я не стану приносить вреда тамъ, гдѣ читаютъ твою книгу, и никому, кто читаетъ эту молитву. Будь то мужчина или женщина, малое дитя, юноша или старикъ, никогда я не поврежу имъ». За этимъ Верзелія умерла, а Сусеній вернулся въ Антиохію къ своей женѣ.

Изъ эіопскихъ текстовъ той же молитвы, переведенныхъ Бассэ¹⁾, одинъ близко отвѣчаетъ пересказанному выше; онъ взятъ изъ эіопскаго синаксаря, который въ свою очередь заимствовалъ его изъ синаксаря арабовъ-яковитовъ, гдѣ изложеніе пространнѣе. Другой эіопскій текстъ также начинается молитвой къ св. Сусніосъ обещаніемъ грудныхъ младенцевъ; слѣдуетъ легенда о немъ и его сестрѣ Верзеліи (Ouerzeljâ), жертвой которой сталъ сынъ ея брата (Веселовскій, стр. 230)²⁾. Дальнѣйшее до конца, какъ въ пересказанной выше легендѣ.

Акад. Веселовскій, вслѣдъ за Бассэ³⁾, говоритъ: «Вѣроятнымъ кажется, что эта эіопская легенда и заклинаніе сложились въ Арменіи;

1) Les apocryphes éthiopiens. IV. Paris. 1894, стр. 38—42.

2) Les apocryphes éthiop. IV, стр. 16—18.

3) Basset, стр. 10—13.

каппадокійскіе святые имени Сисинія указываютъ и на Каппадокію (Малую Азію)» (стр. 230). Однако, армянской версіи молитвы онъ не знаетъ; но за то существуетъ грузинская¹⁾. Далѣе онъ объясняетъ, что и изъ Арменіи легенда-заклинаніе проникла въ Эіопію; «я предположу съ своей стороны, прибавляетъ онъ, что и на Балканскій полуостровъ» (тамъ же). Эти эіопскіе тексты даютъ акад. Веселовскому поводъ, хотя бы предположительно, подтвердить славянское преданіе о болгарскомъ попѣ Іереміи (стр. 231). Кромѣ того, въ подтвержденіе этому онъ приводитъ болгарскія повѣрья объ *ерменкахъ* (арманкахъ), — повѣрья, число которыхъ увеличивается сообщеніямъ проф. софійскаго высшаго училища (въ Болгаріи) Д. Матова, заглавіе котораго приведено въ началѣ этой замѣтки. Проф. Матовъ указываетъ на рядъ весьма интересныхъ болгарскихъ данныхъ о *навахъ*, извѣстныхъ еще подъ названіемъ *наваци*, *хунаци ерменки*, т. е. о духахъ, которые мучатъ родильницъ и отнимаютъ у нихъ дѣтей до крещенія, а также и о душахъ, умершихъ некрещеными, которыя, какъ извѣстно, носятъ названіе у македонскихъ болгаръ *кендо* вмѣсто *чендо* (отъ *чадс*)²⁾. Этихъ духовъ онъ сопоставляетъ съ *навье*, *мавье*, *мовье мавки*, *майки* и *нейки* у нѣкоторыхъ другихъ славянъ, а именно первыя три у словинцевъ, а послѣднія у малоруссовъ. Эти данныя частію впервые обнародованы самимъ проф. Матовымъ прежде и теперь изъ устъ народа, частію же заимствованы имъ у другихъ (подробныя указанія смотри въ его студіи).

Въ виду всего этого въ вопросѣ о происхожденіи богомилства у болгаръ являются нѣсколько иныя стадіи, чѣмъ можно было предполагать. Слѣдовало бы думать, что манихейство было передано болгарамъ непосредственно отъ самихъ еретиковъ, переселенныхъ въ разное время византійскими императорами на Балканскій полуостровъ, а не черезъ посредство византійцевъ, и здѣсь эта ересь приняла форму богомилства. Если теперь обратиться отъ общихъ явленій къ частнымъ, то можно было бы думать, что и Сисиніевы молитвы и связанные съ ними повѣрья могли перейти непосредственно отъ манихейцевъ къ болгарамъ, какъ и повѣрья о Верзиловѣ или Верзіуловѣ колѣ и навахъ. По видимому, проф. Веселовскій склоненъ думать, что и Верзелія могла перейти непосредственно отъ армянъ къ болгарамъ (ср. стр. 232). Но устно совершились эти переходы или путемъ книжнымъ, конечно, сказать трудно.

Проф. Веселовскій, высказывая приведенное выше объясненіе выраженія на *Верзилокомъ* или *Верзіулокомъ* колосу, говоритъ, что «эта гипотеза предполагаетъ существованіе какого-нибудь южно-славянскаго текста, съ именемъ Верзиліи (?) какъ сестры Сисинія, и до-славянскаго оригинала молитвы съ тѣмъ же или сходнымъ именемъ», а оригиналь, по нему, какъ мы знаемъ, могъ появиться на почвѣ армянской (тамъ же). Далѣе

1) Веселовскій, Разысканія въ области духовнаго стиха. VI, стр. 427 и слѣд.

2) У Драганова въ Русск. Филологич. Вѣстникѣ 1838, № 1, стр. 19.

онъ прибавляетъ: «мнѣ кажется, что «Верзелія» и «армянки» даютъ не лишніе моменты для разъясненія историческихъ отношеній, среди которыхъ привилась молитва Сисинія на южнославянской и румынской почвѣ» (стр. 233). Прекрасно! Но если согласиться съ выводами проф. Веселовскаго, то какъ объяснить греческіе заговоры отъ трясавицы, приводимые Львомъ Аляціемъ? ¹⁾ Появились ли они на греческо-византійской почвѣ, или переведены съ армянскаго или эіопскаго, или съ славянскаго языка? И акад. Веселовскій, и проф. Матовъ эти вопросы оставили въ сторонѣ. Между тѣмъ они напрашиваются на вниманіе изслѣдователя. Самъ акад. Веселовскій указываетъ на Каппадокію, связанную съ именемъ Сисинія. Но кромѣ этого и въ греческихъ заговорахъ фигурируетъ имя Сисинія. Это съ одной стороны. Съ другой же представляется непонятнымъ, почему имя Верзеліи выпало изъ славянскихъ и румынскихъ молитвъ Сисинія, если дѣйствительно это имя можно отождествить съ именемъ, легшимъ въ основу *Верзиловъ* или *Верзіуловъ*? Не слѣдуетъ ли думать, что Верзелія могло выпасть на греческой почвѣ и до славянъ оно и не дошло книжнымъ путемъ? Наконецъ довольно необычными являются формы *Верзилово* и *Верзіулово* отъ Верзелія. Впрочемъ, это чувствуетъ и акад. Веселовскій (стр. 232). Не слѣдуетъ ли предположить еще форму *Верзіула* для формы *Верзіулово*? Быть можетъ, Верзіула ближе къ Ursula, къ которой приравниваютъ имя Верзелія? ²⁾ Вотъ вопросы, которые невольно напрашиваются при чтеніи интересныхъ статей акад. Веселовскаго и проф. Матова.

Не смотря на то, что быть можетъ соображенія и предположенія акад. Веселовскаго и данныя, собранныя проф. Матовымъ, служатъ до нѣкоторой степени къ выясненію выраженія на *Верзилокомъ* или *Верзіулокомъ* колову, мы все-таки не имѣемъ полнаго объясненія этого выраженія. Можно только сказать, что послѣднее объясненіе акад. Веселовскаго болѣе правдоподобно, чѣмъ прежнія. Слѣдовательно, новый матеріалъ для исторіи и объясненія сейчасъ приведеннаго выраженія далеко не лишній, но даже желателенъ.

Въ виду этого пользуюсь случаемъ привести здѣсь въ качествѣ новаго матеріала неизвѣстный до сего времени румынскій текстъ. Румынскій текстъ молитвы св. Сисинія извѣстенъ въ румынской письменности большею частію подъ именемъ Сисоя, такъ какъ онъ, т. е. текстъ представляетъ нѣкоторыя и притомъ довольно крупныя особенности въ сравненіи съ текстами, напечатанными у Хыждеу и у Гастера ³⁾, и вмѣстѣ двѣ-три черты, сближающія его съ эіопскимъ текстомъ. Настоя-

1) De templis Graecorum recentioribus. Colon. Agrip. 1645, стр. 133—135; отсюда и у Веселовскаго Разысканія, VI, стр. 89—96.

2) См. у Fries'a стр. 69, примѣч. 8.

3) Hâsděj, KŞente de câtrâni. II. Bucur. 1880, стр. 277—280. Gaster Chrestomathie Roumaine. Leipzig-Bucarest. 1891, I, стр. 6—7; II, стр. 171—172; ср. Literatura populară română. Bucur. 1883, стр. 394—399.

щій текстъ помѣщенъ въ принадлежащемъ мнѣ румынскомъ сборникѣ XVIII столѣтія, приобрѣтенномъ въ Бессарабіи, который сборникъ потому я называю *Бессарабскимъ*. Вотъ эта молитва.

Молитва лѣи сѣзнтѣла Сісое.

Лтрѣ нѣмеле татѣлаѣи ши ал фюла, ши ал сѣзнтѣлаѣи дѣхѣ.

Еѣ рѣла лѣи Дѣмнезеѣ Сісое погорѣндѣмѣ дѣ мѣнтеле Елешнѣлаѣи лнтѣмпінаю пре авесгрица(sic) арипа сатани, кѣрѣла(sic) лѣ ера пѣрѣла лѣнгѣ пѣла кѣлкѣе, ши кѣ ѡкѣи де фокѣ, ши кѣ дѣтѣтѣра сѣлѣатикѣ, кѣ трѣпѣла скимоноситѣ, ши мерѣѣ фѣартѣ стрѣмѣтѣтѣ. ши ѡ лнтѣмпінѣ прѣ дѣнса архангѣлѣ мѣханѣлѣ воеводѣ лѣцѣрескѣ ши ѡ вѣзѣ лѣцѣрѣла ши зісе кѣтрѣ дѣнса: стѣи сатанѣ кѣ фрикалаѣи Дѣмнезеѣ. лѣрѣ а лѣндѣтѣ стѣтѣ ши гроазникѣ кѣдѣтѣ асѣпра лѣцѣрѣлаѣи. ши зісе лѣцѣрѣ: цѣе зикѣ сатанѣ, дѣхѣ некѣратѣ, сѣ стѣи кѣ фрикалаѣи Дѣмнезеѣ, де ѣнде ви ши ѣнде мерѣи ши кѣм цѣи нѣмеле тѣѣ. лѣрѣ а зісе: мѣ дѣкѣ <кѣ> але меле марѣ дѣеволѣци мѣцѣшѣгѣри вѣзѣтѣ ши невѣзѣтѣ, кѣ амѣ дѣзѣтѣ де ѡ фѣчоарѣ марѣа, фѣтѣ лѣи Іѣакѣмѣ ши Анаѣ(sic), кѣ пре ача фѣчоарѣ ѡ дѣ вѣститѣ архангѣлѣ Мѣханѣлѣ прѣ тоатѣ четѣциѣе ши сѣтеле, пре кѣм дѣтрача фѣчоарѣ Марѣа ва сѣ се наскѣ Іѣѣ Хѣѣ назарѣнѣ лѣнпѣрѣ а тоатѣ лѣмѣ. ши мерѣ кѣ але меле марѣ дѣеволѣци мѣцѣшѣгѣри кѣзѣтѣ ши невѣзѣтѣ. ка сѣ ѡ змѣнтѣскѣ пре а, прѣкѣм а маѣ змѣнтѣтѣ ши пре алтеле фѣмеѣ пѣ лѣ зѣѣа де асѣтѣзѣ кѣ але меле марѣ дѣеволѣци мѣцѣшѣгѣри вѣзѣтѣ ши невѣзѣтѣ. Іѣр архангѣлѣ Мѣханѣлѣ зісе: ачѣстѣ марѣ дѣеволѣци мѣцѣшѣгѣри вѣзѣтѣ ши невѣзѣтѣ сѣ ми ле спѣи тоатѣ пре анѣме. ши ѡ лѣѣ пре а де пѣрѣла капѣлаѣи еѣ ши ѡ вѣтѣ пре а кѣ вѣтѣлѣе де фѣкѣ. ши <лѣ> лѣнпѣнсе коѣста еѣ кѣ палѣшѣ ши ѡ вѣтѣ кѣ вѣстоане де ѣстѣрѣме. кѣ фрѣкѣ ка се спѣе тоатѣ пре анѣме але еѣ марѣ дѣеволѣци мѣцѣшѣгѣри вѣзѣтѣ ши невѣзѣтѣ. Іѣр а стрѣга кѣ амарѣ ши сѣ рѣга ка сѣ ѡ маѣ лѣчѣтѣзе дѣ вѣтѣѣ, кѣ иѣ ва спѣне тоатѣ пре анѣме, зикѣндѣ: еѣ мѣ фѣкѣ мѣскѣ. еѣ мѣ фѣкѣ асѣнѣ. еѣ мѣ фѣкѣ ѡгарѣ. еѣ мѣ фѣкѣ пѣажѣнѣ. еѣ мѣ фѣкѣ капѣрѣ ши тоатѣ нѣлѣчѣрѣе вѣзѣтѣ ши невѣзѣтѣ. ши мерѣ де змѣнтѣскѣ маѣчѣе лѣр кѣндѣ сѣнтѣ лѣнгрѣѣете кѣ даншѣи ши ле лѣѣ копѣи ши ле стрѣмѣтѣ фѣаца лѣр лѣ сомнѣ дѣрѣндѣ. ши маѣ тѣре мѣ апропѣе де карѣ а маѣ алтор вѣте, ши де карѣ асте фѣрѣмѣкѣтоарѣ, ши де карѣ кѣдѣтѣ кѣ стѣѣѣа, сѣѣ кѣ чѣра. сѣѣ кѣ пѣзѣне. сѣѣ кѣ пѣлѣмѣѣ. сѣѣ кѣ сѣта. сѣѣ кѣ перѣа. сѣѣ кѣ ковѣи. сѣѣ карѣ нѣ цѣне лѣн дѣрептѣте кѣ соѣѣла сѣѣ. ши де карѣ фѣатѣ есте лѣнгрѣѣѣтѣ ши ѡ вѣте пре тоѣтѣ трѣпѣла еѣ. ши де ачѣѣ мѣ апропѣю маѣ тѣре де кѣтѣ де алте фѣзѣмеѣ кѣратѣ. ши амѣ ѣѣ. нѣме. чѣ дѣнтѣѣю авѣстѣца. в. кадарѣ. г.

саноміа. д. надара. е. кикорѣ. з. авиза. з. ксарманѣ. и. стіха ѿ. пѣха¹⁾.
 аі. злата. кі. гапіна. гі. наекора. ді. коха. еі. злаа. сі. нерждца. зі.
 сестра. ні. деѣка. ѿі. тіа. ші ачесте нѣме але меле. мергѣ де змінте-
 скѣ фѣмеіле. ші ѣнде сѣ афлѣ ачесте нѣме але меле скрісе. еѣ аколо нѣ
 мѣ почѣ апропіа. ші іатѣ кѣци даѣ ціе записѣла мѣѣ, мѣнчиторѣле, каріле
 мѣ мѣнчѣці пре міне. ка шрі ѣнде сар афла ачестѣ записѣ а мѣѣ. ла
 шрі каре крѣці²⁾. еѣ аколо нѣ мѣ почѣ апропіа де шапте міле де локѣ.
 ші нічі ѿ трѣѣѣ ла ча касѣ нѣ а ші ла тоате але касіі ачѣѣ, ѣнде сар
 гѣсі ачестѣ записѣ а мѣѣ кѣ ачесте кѣвннте але меле. шіі зісе еі анциѣрѣла:
 іатѣ кѣци порѣнческѣ сатанѣ дѣхѣ некѣратѣ ші те легѣ кѣ нѣмеле лѣі Іѣѣ
 Хѣѣ назаріна. кареле сар нѣскѣтѣ ді сѣѣнта фѣчорѣѣ Маріа. тѣ сатѣ
 дѣхѣ некѣрѣѣ, сѣ нѣ те апропіі де каса лѣі дѣмнезѣѣ, нічі де дѣнсѣла, нічі
 де фѣчоріі лѣі, нічі де вѣтеле лѣі, нічі де вѣкателе лѣі, нічі де тоате,
 кѣте сѣ вор нѣмі але лѣі, пѣѣ а^н вѣчіі вѣчілор. амі^і.

РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ.

Молитва св. Сисоя. Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Я, рабъ Божій Сисой, сходя съ горы Елеонской, встрѣтилъ Авесгрицу, крыло сатаны, волосы которой были длиною до пятокъ, съ огненными глазами, съ дикимъ взглядомъ, съ обезображеннымъ тѣломъ; шла она очень криво. И встрѣтилъ ее архангелъ Михаилъ, воевода ангеловъ; и ангелъ, увидѣвъ ее, сказалъ ей: стой, сатана, со страхомъ Божиимъ. Она сразу остановилась и грозно посмотрѣла на ангела; и сказалъ ей ангелъ: тебѣ говорю, сатана, нечистый духъ, чтобы ты мнѣ сказала со страхомъ Божиимъ, откуда идешь и куда идешь и какъ тебя зовутъ. А она сказала: иду съ моимъ большимъ діавольскимъ искусствомъ видимымъ и невидимымъ, такъ какъ я услышала объ одной дѣвицѣ Маріи, дочери Іоакима и Анны,—что объ этой дѣвицѣ извѣстилъ архангелъ Михаилъ по всѣмъ городамъ и селамъ, что изъ этой дѣвицы Маріи родится Іисусъ Христосъ Назарянинъ, царь всего міра, и иду съ моимъ большимъ діавольскимъ искусствомъ, видимымъ и невидимымъ, чтобы ее повредить подобно тому, какъ я повредила и другихъ женщинъ до сего дня съ моимъ большимъ діавольскимъ искусствомъ видимымъ и невидимымъ. А архангелъ Михаилъ сказалъ: это большое діавольское искусство видимое и невидимое ты мнѣ сообщи вполнѣ и подробно. И схватилъ онъ ее за головные волосы и билъ ее огненными ударами, и пронзилъ боже ея мечемъ и билъ ее больно палками, такъ что она отъ страха сообщила вполнѣ и подробно свое большое діавольское искусство видимое и невидимое. И она люто кричала и умоляла, чтобы онъ оставилъ удары, потому что она сообщить все подробно, говоря: я оборачиваюсь въ муху, я оборачиваюсь въ осла, я оборачиваюсь въ борзую со-

1) 10-е имя въ рукописи пропущено.

2) Въ рукописи: крѣкі^і.

баку, я оборачиваюсь въ паука, я оборачиваюсь въ козу и во всѣ привидѣнія видимыя и невидимыя, и хожу и повреждаю ихъ (sic) матерей, когда онѣ беременны ими и отнимаю у нихъ дѣтей, и оборачиваю лица ихъ во снѣ, когда онѣ спятъ, и больше всего я приближаюсь къ тѣмъ, которыя портятъ чужой скотъ, къ тѣмъ, которыя чародѣйки, къ тѣмъ, которыя смотрятъ (гадаютъ) по звѣздамъ или гадаютъ на восекѣ, или на хлѣбѣ, или на оловѣ, или на ситѣ, или на щеткѣ, или на бобахъ, или къ тѣмъ, которыя не живутъ по правотѣ съ своими мужьями, или къ такой дѣвушкѣ, которая беременна, и бьетъ ее по всему ея тѣлу, и къ такимъ я приближаюсь больше, чѣмъ къ другимъ чистымъ женщинамъ, и у меня 19-ть именъ: первое Авестаца, 2. Кадаръ, 3. Саномія, 4. Надара, 5. Кикоръ, 6. Авиза, 7. Ксарманъ, 8. Стиха, 9. Пуха, 11. Злата, 12. Глипина, 13. Наевора, 14. Воха, 15. Злая, 16. Нержуца, 17. Сестра, 18. Дефка, 19. Тія. Эти мои имена ходятъ и повреждаютъ женщинъ. Но гдѣ находятся записанными эти мои имена, туда я не могу приблизиться. И вотъ я даю мою записъ (т. е. списокъ моихъ именъ) тебѣ, мучитель, который мучишь меня,— что гдѣ бы ни находилась моя записъ, у какого-бы то ни была христианина, я туда не могу приблизиться, какъ только на семь миль, и никакого дѣла въ такомъ домѣ у меня нѣтъ, а также нѣтъ мнѣ дѣла и ни до чего изъ того, что принадлежало бы тому дому, въ которомъ находилась бы эта моя записъ съ этими словами моими. И сказалъ ей ангелъ: вотъ, я повелѣваю тебѣ сатана, нечистый духъ, и связываю тебя именемъ Иисуса Христа Назарянина, который родился отъ святой Дѣвы Маріи, чтобы ты сатана, нечистый духъ, не приблизилась къ дому Господню, ни къ нему (т. е. имя рекъ), ни къ его отрокамъ, ни къ его скоту, ни къ его имуществу, ни ко всему тому, что считается ему принадлежащимъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЕРБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Франић, Стање Балканског полуострва на освитку XIII вијека (Состояніе Балканскаго полуострова въ самомъ началѣ XIII вѣка), въ Гласникѣ земаљског музеја у Босни и Херцеговини. VII. 1895, 1.

«По смерти царя Мануила Комнина (1143—1180 гг.) отошли навсегда балканскіе славяне изъ-подъ византійской власти. Мануилъ былъ послѣднимъ царемъ, который покушался обратить всѣ балканскія земли въ свои провинціи. вмѣстѣ съ нимъ падаетъ и послѣдняя яркая звѣзда съ византійскаго неба. За плечами Восточнаго царства поднимается молодая болгарская держава. Въ самомъ сердцѣ Восточнаго царства неестественно внѣдрилось новое Латинское царство (1204—1261 гг.). На развалинахъ послѣдняго была опять обновлена греческая держава, но такъ слабо, что царь Душанъ уже намѣревался сѣсть на царградскій престолъ». Такъ начинаеть г. Франичъ свои очерки по исторіи южныхъ славянъ подъ приведеннымъ выше заглавіемъ. Далѣе онъ продолжаетъ: «Мы имѣемъ въ виду освѣтить состояніе Балканскаго полуострова въ самомъ началѣ XIII в. и въ связи съ этимъ и отношенія папы Иннокентія III

къ балканскимъ славянамъ. Это, безъ сомнѣнія, самый занимательный моментъ въ исторіи всего Балканскаго полуострова. Это былъ моментъ преобразования и возникновенія державъ на Балканахъ подъ мощною эгидою и защитою великаго папы Иннокентія III, который вступилъ на папскій престолъ въ 1198 году, какъ разъ въ то время, когда сами византійскіе цари помогали латинамъ покорить Византію. Балканскій полуостровъ тогда съ точки зрѣнія и политической и религіозной совсѣмъ преобразился». Въ этихъ словахъ ясно видна точка зрѣнія г. Франича на обсуждаемые имъ вопросы изъ исторіи южныхъ славянъ. Онъ разсматриваетъ тогдашнее состояніе А. Болгаріи, Б. Сербіи, В. Босніи и патеренства, богомилства, разсуждаетъ Д. о взятіи Задра (Зага) и Царьграда или о «Четвертой крестовой войнѣ»; здѣсь онъ останавливается на 1. взятіи Задра и положеніи дѣлъ въ Хорватіи и на 2. взятіи Царьграда и на положеніи дѣлъ въ Восточномъ царствѣ, и въ заключеніи онъ говоритъ нѣсколько словъ о Е. папѣ Иннокентіи III и о результатахъ его политики по отношенію къ славянамъ. Сообразно съ этимъ, онъ изъ каждаго разбираемаго имъ вопроса дѣлаетъ отдѣльный очеркъ. Всѣхъ такихъ очерковъ, такимъ образомъ, у него получается пять.

Первый очеркъ г. Франичъ начинаетъ словами: «Въ началѣ X вѣка папъ Царьградъ и царь римскій (повсей вѣроятности, папъ)¹⁾ на колѣна предъ болгарскимъ царемъ Симеономъ (894—927 гг.), самымъ сильнымъ и самымъ выдающимся властителемъ, какой только когда-либо появлялся у южныхъ славянъ. Въ Симеоновыхъ рукахъ была великая будущность балканскихъ славянъ, но онъ мирно выпустилъ ее изъ рукъ, и что было въ это самое интересное время потеряно, больше не возвращалось. Симеонъ поставилъ основаніе греко-славянскому царству на развалинахъ монархіи Константина Великаго, а Василій II (976—1025 гг.) отнялъ его у его слабыхъ наслѣдниковъ и Болгарское царство подпадаетъ подъ византійское господство (1018—1019 гг.)». И это послѣ греко-славянскаго царства на развалинахъ монархіи Константина Великаго! Г. Франичъ, по видимому, составилъ свои очерки на основаніи источниковъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ; но трудно догадаться, на основаніи чего онъ написалъ всю эту тираду о царѣ Симеонѣ, объ основаніи имъ греко-болгарскаго царства и о времени его царствованія. Онъ не могъ найти ничего подобнаго ни у Гильфердинга, ни у Дринова,—на которыхъ, кстати сказать, г. Франичъ не ссылается,—которые о Симеонѣ писали довольно подробно и особенно Дриновъ, а за нимъ и Иречекъ. Дѣйствительно, правленіе Симеона въ Болгаріи было славно; но никогда никакой императоръ византійскій не падалъ предъ нимъ, т. е. Симеономъ, на колѣна и греко-славянскаго царства Симеонъ не основалъ. Быть можетъ, слова г. Франича о Симеонѣ нужно понимать нѣсколько иносказательно.

1) Слова, заключенныя въ скобки, принадлежатъ мнѣ.

Сказавъ за этимъ два-три слова о возстановленіи Болгарскаго царства, главнымъ образомъ, на основаніи Иречка, Голубинскаго и Успенскаго, при чемъ перваго г. Франичъ почему-то относитъ къ числу восточныхъ писателей(sic), онъ останавливается на сношеніяхъ Калояна съ папою Иннокентіемъ III, объясняя эти сношенія тѣмъ, что болгарскій властитель считалъ Византію злѣйшимъ врагомъ болгарскаго народа и престола. Свое изложеніе этихъ сношеній онъ основываетъ на документахъ, собранныхъ у Тейнера. Было бы весьма полезно г. Франичу познакомиться для этой цѣли съ обстоятельною статьею покойнаго профессора Макушева: Болгарія въ концѣ XII и началѣ XIII вѣковъ¹⁾.

Насколько неудаченъ первый очеркъ г. Франича, настолько хорошъ второй. Этотъ очеркъ изложенъ безъ многословія, но тѣмъ не менѣе обстоятельно. По всему видно, что г. Франичъ основательно знакомъ и съ источниками и съ литературой предмета; однимъ словомъ онъ здѣсь, что называется, у себя дома. Послѣ краткаго введенія о состояніи сербовъ съ политической и церковной точекъ зрѣнія авторъ переходитъ къ изображенію отношеній сыновей Немани, Вукана или Волкана, великаго князя зетскаго, и великаго жупана Стефана, а главнымъ образомъ сношеній перваго съ римскимъ папою и роли послѣдняго въ политическихъ и церковныхъ дѣлахъ сербовъ и угровъ, въ концѣ разъясняется, что выигралъ пала отъ этихъ сношеній.

Почти тоже можно сказать о третьемъ очеркѣ. Изложивъ вкратцѣ исторію возникновенія богомилства въ Болгаріи и распространенія богомиловъ въ другіе края Европы подъ названіями патареновъ, катаровъ, альбигойцевъ и другими, г. Франичъ останавливается подробнѣе на патаренахъ боснійскихъ, главнымъ образомъ, времени бана Кулина и на сношеніяхъ послѣдняго съ папою Иннокентіемъ по поводу распространенія и утвержденія патареновъ въ Босніи вслѣдствіе жалобы на него папѣ со стороны зетскаго князя Вукана и на результатахъ этихъ сношеній. Не вѣрно думаетъ онъ, что попъ Богомилъ и Іеремія одно и то же лицо. Что эти еретики — два отдѣльные лица, въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, особенно послѣ работы профессора М. И. Соколова¹⁾, хотя съ мнѣніемъ его, — что Іеремія не еретикъ, — можно и не согласиться. За то у г. Франича находимъ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній, которыя, кстати сказать, онъ дѣлаетъ не всегда на основаніи собственныхъ изслѣдованій вопроса. Мнѣ кажется, г. Франичъ довольно вѣрно замѣчаетъ: «Весьма интересно, что папскій посланникъ называетъ Боснію *gegnum* .... Не послѣдовалъ ли Кулинъ примѣру болгаръ и сербовъ, чтобы испросить у папы корону или, можетъ быть, объ этомъ что нибудь говорилось въ Римѣ?» Не менѣе вѣрно, что «въ Босніи тогда (т. е. во

1) Въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1873, № 3.

2) Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. Вып. I. М. 1888, стр. 112—142.

времена бана Кулина) были три главные вѣроисповѣданія: римско-католическое, греко-восточное и патаренское, которое до появленія турокъ было открытою и до нѣкоторой степени народною вѣрою. Когда въ 1463 г. османы завоевали Боснію, стали господствовать здѣсь и магометане, которые имѣли перевѣсъ надъ христіанскою вѣрою, а патаренство превратилось въ магометанство и исчезло навсегда». Но объясняя причины успѣховъ патаренства среди простаго народа, г. Франичъ между прочимъ говоритъ, что эта секта служила до нѣкоторой степени «срединою между язычествомъ и христіанствомъ. Въ отверженіи іерархіи (разумеется, христіанской) просвѣчивалъ нѣкоторый патриархальный демократизмъ, который во многомъ соотвѣтствовалъ древнѣйшему устройству славянской земли и общины. Что же касается соціальной отношеній совмѣстной жизни, то богомилство было проникнуто принципомъ братства и равенства». Во всякомъ случаѣ, если эти слова не вполне точны, то въ нихъ нельзя не видѣть нѣкоторой доли правды.

Картинно, хотя и кратко, изображены приготовленія крестовцевъ четвертаго похода къ отправленію на востокъ, роль папы и Венеціи въ этихъ приготовленіяхъ, взятіе Задра и Константинополя, основаніе Латинской имперіи, особенно разгромъ и разграбленіе столицы Византіи и наконецъ столкновеніе латинянъ съ болгарами и послѣдствія этого столкновенія. За то здѣсь остаются въ тѣни греки и ихъ отношенія къ сосѣдямъ. Такимъ образомъ г. Франичъ опять вернулся къ тому, съ чего онъ началъ, т. е. къ болгарамъ; здѣсь онъ рассказываетъ, какъ сошли со сцены болгарскій царь Калоянъ послѣ разгрома франковъ и венеціанскій дожъ, престарѣлый Генрихъ Дандоло, и весьма кратко о царѣ болгарскомъ Борисѣ II (1207—1217 гг.) и о судьбѣ Латинской имперіи.

Послѣдній очеркъ, если только можно назвать очеркомъ очень небольшое резюме церковной политики папы Иннокентія III, служить заключеніемъ всей статьи. Здѣсь авторъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: «Извѣстно намъ, какъ франкское и венеціанское оружіе нанесло смертельный ударъ въ сердце восточнаго царства, и цареградскую патриаршую столицу, которая переговаривалась съ Римомъ, привело подъ власть папы, которой (т. е. власти) подчинялся тогда весь Балканскій полуостровъ. Князь Левъ въ Арменіи ставитъ себя, а также и свою землю подъ римское господство. Иннокентій обратился и къ Румыніи (sic) и къ Руси, — чтобы и онѣ признавали первенство римскаго апостольскаго престола. Его *credo*, — чтобы была одна церковь, чтобы онъ управлялъ міромъ. Этому онъ посвятилъ свою жизнь».

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе очерковъ г. Франича. Въ нихъ, какъ можно было замѣтить изъ моего изложенія, онъ ничего не даетъ новаго ни въ фактическомъ отношеніи, ни относительно разработки.